

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-9-29

К.Ю. Дойкина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук,
119019 г. Москва, Российская Федерация

О конструкциях со связками в текстах полоцких грамот XIV–XVI вв.

Данная статья посвящена функционированию связок в западнорусских деловых текстах – полоцких грамотах XIV–XVI вв. В этот период связки начинают активно конкурировать с их полноударными вариантами – личными местоимениями, поэтому особое внимание уделено закономерностям распределения конструкций типа л-форма + местоимение и л-форма + связка. Было выяснено, что модель, включающая и связки, и местоимения, употреблялись в живой речи и была одним из вариантов развития перфектных форм в западных диалектах позднерусского языка. В настоящей работе также рассматриваются случаи, где связки, являясь полным синонимом местоимений, выступают в качестве лично-числового показателя при деепричастиях.

Ключевые слова: язык Великого княжества Литовского, связки, личные местоимения, клитики

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дойкина К.Ю. О конструкциях со связками в текстах полоцких грамот XIV–XVI вв. // Рема. Rhema. 2021. № 1. С. 9–29. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-9-29

© Дойкина К.Ю., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-9-29

K. Doykina

Vinogradov Institute of the Russian Language,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119019, Russian Federation

About constructions with auxiliaries in Polotsk charts of the 14th –16th centuries

This article is devoted to the functioning of auxiliaries in Western Russian documents – Polotsk charts of the 14th–16th centuries. During this period, auxiliaries begin to actively compete with their full-stressed variants – personal pronouns, so special attention is paid to the distribution of constructions such as participle + pronoun and participle + auxiliary. It was found out that the model including both auxiliaries and pronouns was used in live speech and was one of the variants of the development of perfect forms in the West. In this paper, we also consider patterns where auxiliaries, being a complete synonym of pronouns, are used as a personal numeric mark for past verbal adverbs.

Key words: language of the Grand Duchy of Lithuania, auxiliaries, personal pronouns, clitics

FOR CITATION: Doykina K. About constructions with auxiliaries in Polotsk charts of the 14th –16th centuries. *Rhema*. 2021. No. 1. Pp. 9–29. (In Russ.). DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-9-29

1. Вводные замечания

В восточнославянских языках связки перфекта были клитиками¹. Впоследствии они утратились во многих диалектах, т.е. были вытеснены своим полноударным вариантом – личными местоимениями. Как отмечает Г.А. Хабургаев, «формы *есмь*, *еси* (и т.д.) выступают исключительно как показатели лица (а не времени!), оказываясь синтаксическими синонимами личных местоимений» [Хабургаев, 1978, с. 45].

¹ Особую позицию занимали связки 3 лица, об этом будет сказано в соответствующем разделе.

Это замечание касается переходного периода, когда связки еще сохранялись, но начали выступать в новой для них функции.

В настоящей работе мы хотим определить, во-первых, утрачивались ли связки в западных диалектах позднерусского языка в соответствии с закономерностями, справедливыми для северо-восточной территории, или путь их развития был другим; во-вторых, как распределяются модели со связкой (клитикой) и местоимением (полноударной формой) в период, когда древняя система энклитик начинает разрушаться.

Статья в целом посвящена связкам 1 и 2 лица в контексте разрушения ранней общедревнерусской системы энклитик, объектом исследования являются перфектные клаузы. Однако в последнем разделе говорится о связках 3 лица, которые в текстах употребляются редко (19 случаев на весь корпус), поэтому для изучения данных форм привлекаются также и именные клаузы. При первоначальной обработке текстов насчитывалось более 600 употреблений связок 1 и 2 лица перфекта, впоследствии повторяющиеся контексты исключались.

В качестве материала будут использованы полоцкие грамоты, изданные под редакцией А.Л. Хорошкевич [Полоцкие грамоты, 2015] (далее, если не указано иного, все примеры из этого издания). Они написаны на русьской мове, т.е. языке Великого княжества Литовского, в основу которого легли местные диалекты. Ранее этот сборник привлекался для изучения местоименной экспансии в древнерусском языке, однако они были включены в общий корпус деловых текстов [Буденная, 2018, с. 48–119]. Из-за неоднородной языковой ситуации на территории Великого княжества Литовского нам кажется необходимым еще раз взглянуть на данные тексты отдельно и рассмотреть некоторые особенности употребления связок. Кроме того, при необходимости более широкого взгляда на язык Великого княжества Литовского мы будем обращаться к так называемым украинским (югозападнорусским) грамотам (далее УГ) XIV – первой половины XV вв. [Украинские грамоты, 1928], а также к старорусскому подкорпусу Национального корпуса русского языка и духовным и договорным грамотам великих и удельных князей [ДДГ, 1950] для сравнения с северо-восточными диалектами.

Сделаем небольшое замечание в отношении связок на восточнославянской территории. На северо-восточной территории в живом языке связки 1 и 2 лица утрачиваются в XVII в. [Зализняк, 2008, с. 262]. В говорах современной Беларуси они не встречаются, так же как и «польские» формы, где связки превращаются в подобие аффикса [Аванесов, 1964, с. 283–286; Barszczewska, Jankowiak, 2012]. Украинские диалекты делятся на два типа. Первый – юго-восточные и северные говоры,

сформировавшиеся в XVII в., в них связки отсутствуют [Керницький, 1967, с. 218–219]. Однако эти клитики есть в документах, созданных на русскоязычной Украине, они встречаются спорадически в местных текстах вплоть до конца XVIII – XIX вв. [Danylenko, 2012, p. 16]. В юго-западных говорах связки сохраняются [Толстая, 2012, с. 195]. По мнению А. Даниленко, такая ситуация объясняется следующим: «Поскольку современный украинский язык был в большей степени основан на юго-восточном украинском языке, связки оставались изолированными в консервативных юго-западных украинских диалектах, которые были частично интегрированы в новый литературный украинский язык только в конце XIX – начале XX века» [Danylenko, 2012, p. 11].

Связки в полоцких грамотах употребляются в следующих позициях:

а) после первой тактовой группы: *у вашого есмь немчина Аврамка корчму вынали* (№ 107);

б) после первой тактовой группы с учетом ритмико-синтаксического барьера: *про то ж //² послали есмо к вамъ wspod(a)pa нашег(о)* (№ 146, 1459);

с) после неодночленной группы³: *и того Мартинца есмо wправили и приказали есмо Богдану Сѣстафьевичу* (№ 2796, 1492 (XVI–XVII)⁴);

д) после проклитики: *нашы не мають в тые дела духовные вступатися, бо есмо приказали архъепископу Луце судити* (№ 379, 1502 (XVI–XVII)).

Случаев, где связки находятся в нехарактерных для клитик позициях (например, в начале клаузы или непосредственно после паузы), в грамотах не обнаружилось. Относительно глагола (*л*-формы) связки располагаются в соответствии с типом клауз: в тяжелых клаузах⁵ преобладает постпозиция, в простых и многоактантных (на упрощенных отрезках фразы) – препозиция, т.е. ситуация стандартна, на что указывает коэффициент препозиции связок – отношение случаев препозиции связок к общему числу примеров без учета клауз с начальным сказуемым (табл. 1).

² Здесь и далее ритмико-синтаксические барьеры обозначаются знаком //.

³ О пунктах с и d см. [Дойкина, 2019].

⁴ В круглых скобках указан период создания списка с грамоты.

⁵ Тяжелые клаузы – клаузы, содержащие тяжелую актантную группу или несколько таких групп, многоактантные клаузы содержат несколько актантных групп [Зализняк, 2008, с. 17]. Актантная группа – это слово, подчиненное сказуемому, включая зависимые от этого слова [Там же, с. 15].

Коэффициент препозиции связок
[Preposition coefficient of auxiliaries]

Тип клауз [Type of clauses]	Простые [Simple]	Многоактантные [Multi-actant]	Тяжелые [Complex]
Коэффициент препозиции [Preposition coefficient]	60% 94/156	78% 55/70	29% 27/94

Отдельно стоит затронуть вопрос о месте, которое занимают связки в цепочке энклитик. А.В. Циммерлинг пишет, что в текстах полоцких грамот конца XIV – начала XVI вв. закреплён порядок *X были есмь*, т.е. связка плюсквамперфекта занимает более высокий ранг в связи с более ранней клитизацией плюсквамперфектных форм [Циммерлинг, 2019]. Полностью разделяя это мнение, прокомментируем лишь те примеры, где порядок оказывается обратным *X есмь были*:

- (1) *поведиль перед нами, што ж есмо первеи сего // дали были ему семь служобъ* (№ 95, 1440);
- (2) *а а есми сам тых часов // нешто был прихворел* (№ 200, 1471);
- (3) *И мы, подле их речеи, вты и люди владыце не казали вступатися и на то есмо имъ нашъ листъ судовый // дали были* (№ 380, 1502).

А.В. Циммерлинг указывает, что случаи препозиции связок перфекта «связаны с дистантным порядком» [Циммерлинг, 2019, с. 49], однако, как нам кажется, в большей степени это обусловлено разделением цепочки клитик вследствие выделения темы, при котором слабые энклитики (т.е. более новые) могут располагаться во фразе левее, чем сильные (т.е. более древние), ср.:

- (4) *а оу королева еси мужа // слышаль ли о томъ честномъ крестъ?* (Киев. лет. 1152, 166 об.) [цит. по: Зализняк, 2008, с. 52].

2. Двухчленные модели

В качестве основы для нашего анализа будут использоваться правила употребления личных местоимений [Зализняк, 2008, с. 241–246]. Это позволит узнать, насколько они применимы к языку полоцких грамот. Рассмотрим некоторые из них, начиная с тех случаев, где личное местоимение должно использоваться обязательно.

I. После союза *и*, если в предыдущей клаузе содержится условие или тема:

- (5) *што милые дѣти ваша м(и)л(о)сть присылали естъ сее зимы к нам посла своег(о) пан(а) Ганоуса Филипович(а) и **мы** и в тое посольство ваше вразумѣли* (№ 148, 1459);
- (6) *а пак ли не станет(ь) ему заплаты, и **мы** велимы на Захарце ему пенязеи своихъ смотрете* (№ 160, 1464).

Однако в полоцких текстах XV в. правило расширяется, и вместо союза может выступать наречие:

- (7) *и кол(и) к нам възведут(ь) тогда **мы** вашъ товаръ втпустим* (№ 57, 1409).

Кроме того, если союз *и* отсутствует и субъект не меняется, местоимение может отсутствовать:

- (8) *што и перво писали есмо к вамъ про того Петра ино и нинѣ пытали **есмо** тыхъ людъниковъ* (№ 62, 1411).

II. Наличие обращения:

- (9) *А давалъ **ты** мнѣ Гл(е)ѡ(а)ндро четвертую долю сам оу томъ wzере оу Солонци ино а не хотел имати* (№ 121, 1447).

III. Подлежащее находится в противопоставлении с подлежащим соседней клаузы:

- (10) *А вамъ блюсти полочанина какъ бы своего немѣчина. А **мы** хочемъ вашего немѣчина блюсти какъ бы своего полочанина* (№ 32, 1394).

IV. Самым основным условием употребления личного местоимения является эмфаза, однако здесь мы сталкиваемся с проблемой интерпретации. Ниже приведем примеры, где логическое ударение можно предположить с высокой степенью уверенности:

- (11) *И Федоръ мовит(ь) А то **ты** што мнѣ дал три струги соли Мелѣшку еси втдал а в том мною водишь. И Мина мовит(ь) так: **Я** Мелешку не давал* (№ 171, 1465);
- (12) *сведомъ ли вн того коли тот листъ брали в небожчика корола его м(и)л(о)сти. И Сопега рекъ **Я** ещо тогда и дочки в нее не понял* (№ 152, 1463).

Данные фразы – это передача устных прений в суде. Можно предполагать, что местоимения имеют логическое ударение, потому что важен статус участников спора: «а вот я», «а вот ты».

Таким образом, мы видим, что обязательные правила употребления местоимений, действовавшие в древнерусском языке, справедливы и для языка Великого княжества Литовского.

Есть такие правила, которые А.А. Зализняк называет факультативными [Зализняк, 2008, с. 243–244], в полоцких грамотах же их действие можно считать обязательным. Остановимся на некоторых из них.

I. Если субъект отличается от субъекта предыдущей клаузы и является темой, то употребляется личное местоимение. В полоцких грамотах это правило работает так: местоимение появляется при любой смене подлежащего, если речь идет о самостоятельных клаузах. Приведем последовательные примеры из отрезка одной грамоты:

- (13) *А про то **есмь** посылали к вам свои послы на има Федька Булавинича а Фалел(ь)я Севрюковича а Гольферіа Чернату. И **вы** нашими послы втказали к нам свои речи кого имете нашего немчина корчму продая... И **мы** еще после того как есмь к вам посылали досыть ваших детеи оунимали ‘в достаточной мере ваших детей утихомиривали’...И **вни** нас не хотели слухать вт того са не оуцоунили ‘отступились’: как держали так держали оу нас корчму. И **мы** оуже болиши того не можем терпети. Оу вашего **есмь** немчина Аврамка корчму вынали (субъект не меняется в начале самостоятельной клаузы, так что личное местоимение не употребляется). А также **Захарка** немчинь пивноую корчму продаеть. И **мы** ваших немець послали к вам на низь и съ ихъ делы⁶ (№ 107, 1444).*

Ситуация, когда при смене субъекта употребляется энклитика, встречается редко:

- (14) *[И] **вы** нам в том не исправляетеса и теперь во **есмо** послали к вам (№ 128, 1447);*
- (15) *Слышали **есмо** што еси вт а [sic!] мистра ‘главы ордена’ и втть арициби скупа и вт ратмановъ ризких што всего посольства посольствомъ приездил **еси** к бояром полоцкым и к мѣстичомъ (№ 143, 1459).*

⁶ Приведенные контексты не являются полностью «чистыми»: перед местоимением оказывается проклитический союз *и*. Однако примеров без союза в полоцких грамотах нет.

II. Личные местоимения также употребляются в начале периода: после изложения сути дела и претензии выносятся заключение:

- (16) *Такъши то вашъи м(и)л(о)сти свѣточно про т(о) што там кипа сукна нашъѣ(о) купца ГѢлфѣра Кортънъгъвича мѣщанина пол(о)цьког(о) оу вашъе м(и)л(о)сти оу Ризъ забавлѣна бѣз лѣпно ‘присвоена ошибочно’ а забавил ‘присвоил’ еѣ Ганусъ Единко ГѢдамовъ складник. И **мы** вашъе м(и)л(о)сти за то просим... (№ 241, 1481);*
- (17) *потом ваша м(и)л(о)сть прислали до нас слугу своег(о)... жадаючи того, ижбыхом тот товаръ вѣрнули...
Ваша м(и)л(о)сть сами то вѣдаетъ. И **мы** подлугъ ‘согласно’ wsp(о)д(а)ра нашого свѣщеног(о) вѣликого короля его м(и)л(о)сти приказан(ъ)а тот товаръ вашей м(и)л(о)сти весь вѣрнули, што было забрано. (№ 202, 1471).*

Этому правилу не подчиняются формульные элементы. В начале грамоты после интитуляции традиционно используется связка:

- (18) *Тым почестливымъ сусѣдомъ нашим и приятелем... **вм** мѣщанъ полцкихъ всехъ посполите поклонъ приятельскыи вѣгъм добрымъ. Посылали **есме** до вашеѣ м(и)л(о)сти посольствомъ брат(ъ)ю свою Григорья Ильинича а Матфѣя Наоумович(а) (№ 162, 1464).*

Существуют и другие формулы, где местоимения отсутствуют:

- (19) *Такъжѣ послали **есмо** до вашеѣ м(и)л(о)сти приятелеи нашихъ (№ 458, 1510).*

Есть и другие случаи, описанные А.А. Зализняком, где употребление местоимений факультативно, а в полоцких грамотах стало обязательным, однако специально мы их рассматривать не будем. Нашей же задачей в большей степени является описание лишь части этого процесса: утраты связок перфекта, т.е. энклитических форм.

Основное правило употребления связок перфекта в полоцких грамотах таково: если подлежащее (субъект) в независимых клаузах не меняется, то в норме используется л-форма и связка без местоимения⁷.

- (20) *Ино **мы** того досмотревши с паны радами нашими и выслухавши того листа // брата нашего пана Ивана **есмо** в томъ вправили, третью часть именеи брата его Степана ему **есмо** присудили. И што са тычетъ того имен(ъ)а Плина такъ **есмо** вчинили (№ 441, 1509 (XVI–XVII));*

⁷ В редких случаях л-форма не имеет при себе ни связки, ни местоимения, речь об этом пойдет ниже.

(21) *Ино **мы** на их чоломбит(ь)е то вчинили при тои нашои перво и дани не их **есмо** вставили и на то дали **есмо** им сесь наш листъ (№ 472, 1511 (XVI–XVII))⁸.*

В зависимых клаузах может использоваться как связка (пример (22)), так и местоимение (пример (23)):

(22) *Ино слышим **ит** людеи, што **есте** пограбили правых людеи полочан, тымъ вернути не хотите ихъ товару. А **мы** к вам послали истъцевъ (№ 100, 1440).*

(23) *Нижли слышалъ **есми**, ижъ **ты** поведалъ на мене зачъ не з(о)с(по)д(а)ру (№ 418, 1507).*

Однако те из них, которые обозначают тему дальнейшего высказывания, устойчиво сохраняют связку:

(24) *Што жо писали **юсте** намъ в вѣсу в солоном в томъ вѣсу много было словъ (№ 4, 1264);*

(25) *Што и перво писали **есмо** к вамъ про того Петра ино и нинъ пытали **есмо** тыхъ людъниковъ (№ 62, 1411).*

Полоккие грамоты, как говорилось выше, включают передачу прямой речи. Она отражает те же тенденции, что и основной текст документов:

(26) *И панъ Станиславъ поведил перед нами **я** деи тые первые сел(ь)ца Ладосно а Дернцы а Величковичы въ васъ **итналъ**... и потомъ тьи сел(ь)ца **был есми** вамъ напротивку того дал и заса **есми** въ вас **итналъ** дла того штожъ з(о)с(по)д(а)ру его м(и)л(о)сти шкодно. А тое сел(ь)цо Дернцы в тых людеи **есми** купиль и то держу въ своих п(е)н(а)зех (№ 466, 1509 (XVI–XVII))⁹.*

Местоимение здесь появляется в начале периода, далее при сохранении субъекта употребляется связка. Высказывание может и не иметь начального местоимения:

(27) *а рекучи так: Торговали дѣи **есмо** з немцом з Ганусом Тимофѣевым з рижанином на попѣль (№ 184, 1468);*

(28) *И Адам рек перед нами: Заплатил **есми** вѣщое **ит** тых дву мѣховъ соли (№ 238, 1480 – 1481).*

⁸ Здесь может обратить на себя внимание то, что в приводимых примерах (20) и (21) первое подлежащее выражается местоимением. Так как речь идет только о формах 1 и 2 лица, другого способа выражения подлежащего в подобных контекстах быть не может.

⁹ Заметим, что в первом случае связка входит в состав плюсквамперфекта и подчиняется «перфектным» правилам.

Примеры (27) и (28) дают основания полагать, что связки перфекта по-прежнему активно употреблялись в живой речи и не были принадлежностью канцелярского языка. Итак, основными моделями в полоцких грамотах являются местоимение и *л*-форма (*язь даль*) или *л*-форма и связка (*даль есмь*).

Завершая разговор о двухчленных моделях, сделаем еще одно замечание. Если мы обратимся к более поздним памятникам, написанным на языке Великого княжества Литовского, то увидим, что перфект мог развиваться иначе. Так, Е.А. Смирнова указывает, что в Евангелии В. Тяпинского обнаруживаются формы типа *виделом, виделесь, виделехмо/виделесмо/виделехмы/виделесмы* и т.д. [Смирнова, 2018, с. 182–189]. Это вариант развития перфекта по польскому образцу, когда энклитическая форма связки меняет свой фонетический облик. В полоцких грамотах встретился лишь один подобный случай и, что самое замечательное, содержится он в прямой речи:

(29) *И Адам рек давалом на то свѣтъки што есми въщое заплатил и тыи суд(ь)и свѣтъковъ моих не приняли* (№ 238, 1480–1481).

В следующей клаузе употребляется стандартный перфект, что, как кажется, обуславливается тем, что энклитика должна занимать вторую позицию во фразе.

Случай (29) – это, безусловно, результат взаимодействия двух близкородственных языков на территории Великого княжества Литовского, при котором могло происходить грамматическое калькирование. Подобное происходит и с другими элементами энклитической системы. Например, в полоцких грамотах единожды появляется местоименная энклитика *му* (3 лица, муж. рода, ед. ч.). В югозападнорусских текстах обнаруживаются перфектные конструкции с редуцированной связкой (*тако смы мы опытали старцев* (УГ, № 49, 1419)), что, по-видимому, тоже является польским влиянием. Такие заимствования в дальнейшем развитии в деловом языке Великого княжества Литовского не получили: в Литовском статуте 1561 г. представлены стандартные формы перфекта, за исключением одного случая [Мякишев, 2008, с. 309–312].

3. Трехчленные модели

А.А. Зализняк отмечает, что в древнейший период связка употреблялась при сказуемом, выраженном именем или *л*-причастием, а личные местоимения в нейтральных контекстах не употреблялись вовсе, но ранние памятники уже отражают отхождение от этой тенденции, так, например, добавляются местоимения, и возникают конструкции типа *язь есмь даль*. Далее эта тенденция превращается в «живом» языке в правило,

и местоимения и связки оказываются в состоянии дополнительной дистрибуции: если есть местоимение, то связка отсутствует. «Следствием этого оказывается исчезновение трехчленной конструкции» [Зализняк, 2008, с. 246–247]. Она становится принадлежностью книжных памятников, как перфект или аорист [Там же].

В полоцких грамотах употребление в одной клаузе местоимений и связок встречается в следующих случаях.

Как обычно бывает в восточнославянских документах, трехчленная модель обнаруживается в интитуляциях, где наличествует приложение при местоимении:

- (30) *Мы, великии кн(а)зь Витовть, дали есмо сию грамот(у)*
(№ 39, 1399).

Другие примеры встретились также в осложненных, но уже в «неформальных» контекстах:

- (31) *Ино мы // з ласки наше и за его службу // то есмо вчинили и тую землю Щовенскую дозволили есмо в тых людех ему купити* (№ 360, 1499 (XVI–XVII));

- (32) *И мы // подле свидетельства пана Станиславова Глебовича и подле листа купчого и евангелиа // тую землю... С(вя)тым мученикомъ Борису и Глебу есмо присудили вечно*
(№ 468, 1511 (XVI–XVII)).

В примерах (31) и (32) личное местоимение появляется из-за начала нового периода: выше приводится суть челобитья. Связка же в данном случае при наличии барьеров выступает в роли продублированного личного показателя. Этот механизм схож с Clitic Doubling: избыточное употребление «местоименных клитик, кореферентных синтаксическому аргументу, выраженному ИГ <именной группой> или ударным местоимением» [Циммерлинг, 2013, с. 497].

Так как местоименные клитики в полоцких грамотах представлены слабо [Дойкина, 2019], приведем пример из северо-восточных текстов:

- (33) *тако же и тобъ, от брата моего молодшего, ко мнѣ бояр и слугъ кто приѣхал до сего докончанья..., или кто приѣдет тобъ, брату моему... // на тыхъ ти нелюбья не держати*
(ДДГ, № 5, 1367).

В (33) выбор формы местоимения зависит от условий: полноударная форма оказывается после проклитики, что недопустимо для энклитик Д. п., энклитическая форма употребляется закономерно в нейтральной

позиции. Более того, в грамотах Северо-Восточной Руси в осложненных клаузах возможно и дублирование связки:

(34) *и тѣ есмь вѣтъ волости, и села, и деревни тѣх волостей, и гъзы // дал есмь своеи кн(я)г(и)нѣ* (ДДГ, № 61, 1461).

Таким образом, примеры (31)–(32) – это образец дублирования грамматического показателя, где местоимение употребляется согласно общим закономерностям.

Дважды в полоцких грамотах встречается трехчленная модель при отсутствии барьера:

(35) *А пишѣте ваш(а) м(и)л(о)сть до нас штобыхмо пану Зеновью говорили штобъ вашѣму немъчину Радивону тот кругъ вѣрнулъ. И мы есмо для вашѣг(о) листа пану Зеновью доброе слово говорили* (№ 237, 1480).

То же самое мы видим и при передаче прямой речи:

(36) *А теперъ тот рок оуже естъ близко а а есми сам тых часов нешто был прихворел* (№ 200, 1471).

Такие конструкции используют авторы югозападнорусских и северо-восточных текстов, однако в случае последних мы имеем дело с территорией Пскова:

(37) *иныхъ досытъ при то(м) было добрыхъ. а мы есмо на то свои ли(с) дали* (УГ, № 45, 1413);

(38) *И псковичи же емоу о вѣтъ томъ отвѣтъ таковоъ починили... толко невогородчи не оуздадоут, у себѣ ни препоустятъ до Новагорода оузметныхъ положить, а мы есмы тья грамоты, государь, по твоемоу слову послали от себѣ.* (Псковская 3-я летопись: Строевский список (1400–1568)).

На наш взгляд, трехчленная модель в полоцких грамотах – это не признак древности, о чем говорилось выше, а промежуточная стадия перехода системы из состояния «л-форма (глагол) и связка» (*далъ есмь*) в состояние «глагол и местоимение» (*язь далъ*). Наше предположение обосновывается тем, что трехчленные модели выходят из употребления еще в ранний период развития общедревнерусского языка, а в полоцких грамотах подобная конструкция появляется только со второй половины XV в. Местоимения в приведенных примерах появляются в результате усиливающегося действия новых правил, связки же продолжают выступать как грамматические показатели по инерции. В этот период местоимения начинают составлять им конкуренцию в данной роли,

т.е. наличие эмфазы становится для них необязательным, что, на наш взгляд, демонстрируют примеры с инверсивным порядком слов, где местоимение становится на место связки:

- (39) *И Єлєксандро молвѣит(ь) Даль а Тимофею томъ слишок.
И Чернѣта молвѣит(ь) Не знаю а Тимофеа оу томъ слишку.
Нѣльса ты мне прислати с низу, а при томъ были оу насъ люди*
(№ 67, 1422–1434).

Заметим, что в закарпатских украинских диалектах, где сохранилась система энклитик, личные местоимения подвержены вторичной энклизе и, тем самым, могут встраиваться в цепочку, занимая место связки, т.е. местоимения и связки оказываются полными синонимами [Голстая, 2013, с. 134–141].

4. Деепричастные клаузы

Говоря о трехчленных моделях, следует отдельно рассмотреть фразы с деепричастиями. А.А. Зализняк пишет, что личное местоимение должно обязательно употребляться, если оно является общим членом для двух клауз, в том числе и деепричастного оборота [Зализняк, 2008, с. 242]. В нормальном случае в полоцких грамотах это правило актуально, и таким образом для главной клаузы мы получаем трехчленную модель:

- (40) *И мы их // не кораючи се zde // послали есмо до вас*
(№ 267, 1487).

Это подтверждается и такими случаями, где связка при наличии местоимения отсутствует:

- (41) *И мы, в томъ межѣ нихъ досмотревши, врѣдили такъ.*
(№ 440, 1509 (XVI–XVII)).

Известно, что старые формы кратких причастий (в дальнейшем преобразовавшиеся в деепричастия) выступали в роли второстепенного сказуемого, особенно при наличии сочинительного союза [Потебня, 1958, с. 191]. Исходя из этого пример, где главное и второстепенное сказуемое связано союзом *и*, может наталкивать на мысль, что обе клаузы здесь не имеют общих членов, и *ты* относится к деепричастию, а *л*-форма имеет при себе связку:

- (42) *И Михаило с Онѣдреемъ рекли Ты деи брата нашего Степана заперѣши вдного и какии хотель еси запись такии в него браль.*
(№ 250, 1482 (XVI–XVII)).

Отметим также, что деепричастные клаузы не всегда требуют грамматического показателя лица и числа:

(43) *И того досмотревши с паны радами нашими пана Ивана Сопегу в томъ знаши **есмо** правого (№ 464, 1511 (XVI–XVII)).*

Таким образом, можно предполагать, что местоимение принадлежит либо деепричастной клаузе, либо всей фразе в целом, порождая трехчленную модель. Возможным подтверждением первого варианта этого может служить такой пример:

(44) *И доведавъшися **есмо** певное старыны через маръшалъка нашего наместъника полоцкогo п(а)на Станислава Глебовича и подле листу п(а)на Глехнова Судимонътовича и тежъ подлугъ ‘согласно’ сведецтва боярына полоцкогo Сенька Епимаховыхъ люди церковьныхъ долчан и путильковцовъ и весничовъ зъ рукъ боярь и мещанъ полоцкыхъ тым то листом нашимъ **выняли есмо** и дали зася владыце полоцкoму (№ 380, 1502 (XVI–XVII)).*

Здесь мы видим кажущееся дублирование связки. Проблема в том, что первая связка оказывается внутри деепричастной клаузы. Это явление похоже на вынос клитики в вышестоящую клаузу (clitic climbing) [Циммерлинг, 2013, с. 79], однако отношения между деепричастной клаузой и клаузой с перфектом нельзя назвать созависимыми. Следовательно, связка оказывается в самостоятельной клаузе и не имеет отношения к л-форме другой клаузы. В таком случае можно предполагать, что связка выступает в роли показателя лица и числа, но не грамматического времени, что делает ее полным синонимом личного местоимения. То же оказывается в примерах с прямой речью, где, думается, при каждом сказуемом есть грамматический показатель, в том числе и при деепричастии:

(45) *У-в одного купъца на имѧ <...> **взал еси** десять золотыхъ и **далъ еси** ему доброволенство за границуу серебро и шлово и иншии речи провадити и потом **еси** его **впнпустивши** с Полоцка и заса на дорозе **казалъ еси** его дознати тыи речи в него **еси забралъ** (№ 418, 1507 (XVI–XVII)).*

Приведенные выше примеры могут указывать на то, что в полоцких грамотах сказуемые (как основные, так и второстепенные) требовали показателя лица и числа, причем связка или местоимения появлялись в соответствии с основными правилами употребления связок и местоимений (см. выше).

В югозападных русских текстах также обнаруживаются конструкции, подобные (45):

- (46) *аже възрѣвшѣ есмо на вѣрную службу нашего верно(г) слугы... што есть на(м) вѣрнѣ **послужи(л)** и служи(т) имѣ(т) дае(м) и дали есмо ему село* (УГ, № 54, 1424);
- (47) *мы... кнѣжны... подумавши есмо с нашими дѣтми... **придали** есмо у до(м) стѣя тр(о)ци* (УГ, № 94, 1459).

В старорусском корпусе образцов л-форма + связка оказалось три:

- (48) *Се азъ преосвященны архіепископъ Великаго Новаграда и Пскова владыка Теофиль, взрѣвъ есмь въ грамоты жалованныя прежнихъ архіепископовъ, братьи своеи, Еуѡміеву и Ионину, **пожаловаль** есмь игумена Никиту* (Грамота новгородского архиепископа Феофила Спасскому Верендовскому монастырю, устанавливающая обязательство явки на суд только по владычной позовной грамоте (1471–1482));
- (49) *Се азъ преосвященны архіепископъ Великаго Новаграда и Пскова владыка Иона, высмотрѣвъ есмь въ грамоту жалованную брата своего владыки Еуѡмія, **пожаловаль** есмь игумена Мисаилу* (Жалованная грамота новгородского архиепископа Ионы Спасскому Верендовскому монастырю, устанавливающая обязательство явки на суд только по владычной позовной грамоте (1459–1470));
- (50) *М[ило]стию б[о]жю мы, кн[а]жны С[александрова] Анастас[ъ]я киевскаа, подоума[вши] есмо с нашими дѣтми... **придали** есмо дом с[ва]тѣя Тр[о]ици к манастырю* (Жалованная данная грамота киевской кнг. Анастасии с детьми Тр.-Сергиеву м-рю на волости Почап и Передол, в Малоярослав. у. (1458–1459)).

Нужно обратить внимание, что (48) и (49) обнаружены в документах, создававшихся на северо-западной территории Руси. Пример (50) можно вовсе не учитывать: в грамоте есть помета: «дана оу Киевѣ», т.е. текст создавался в Великом княжестве Литовском.

5. Одночленная модель

Использование термина «одночленная модель», который будет использоваться в данном разделе, связано исключительно с планом выражения. На самом деле, здесь мы сталкиваемся с феноменом нулевой связки, когда позиция для связки есть, но формально она не выражена.

Прежде, чем перейти к модели типа *даль*, состоящей из одного глагола (л-формы), сделаем небольшое отступление. В норме в полоцких

грамотах при сохранении субъекта при каждом из сказуемых будет употребляться связка:

(51) *Што перьво сего з ласки наше жаловали **есмо** место наше все Полоцкое выняли **есмо** их с права и прьсуду городского и дали **есмо** имь право вол(ь)ное хрестияньское маитборьское ‘магдебургское’ и для полатьковъ нашихъ местъскихъ поддали были **есмо** имь всихъ путниковъ сел(ь)скихъ. (№ 367, 1500 (XVI–XVII)).*

То же отмечается в случае передачи чужой речи:

(52) *И тотъ немецъ поведиль у-в одного купъца на имѧ <...> взал **еси** десеть золотыхъ и далъ **еси** ему доброволенство за границу серебро и влово и иниши речи провадити... засѧ на дорозе казалъ **еси** его догнати тыи речи в него вси **еси** забралъ (№ 418, 1507 (XVI–XVII)).*

В поздних грамотах связка может опускаться, однако только в том случае, если в соседней клаузе присутствует грамматический показатель, таких случаев без учета повторяющихся контекстов 10:

(53) *И того досмотревши... в томъ знаши **есмо** правыхъ и при тои перво и нашо и данине ихъ **вставили** и тыи сел(ь)ца Черсватское... а Дернцы имь **есмо** присудили (№ 466, 1511, (XVI–XVII));*

(54) *вни сут(ь) замку нашему Полоцкому потребъ ни засѧ **есмо** ихъ вт кн(а)зеи Соколинскихъ вызволили и **казали** им намъ служити по тому как и передъ тымъ служили. И на то **есмо** листы наши вызволены подавали (№ 482а, 1511, (XVI–XVII)).*

Заметим, что это явление нужно считать инновационным, т.к. в более ранних текстах одна связка на две л-формы не фиксируется.

7. Замечание о связках 3-го лица

Говоря о связках 3 лица, А.А. Зализняк пишет: «Основная особенность связок третьего лица состоит в том, что в живом древнерусском языке в перфекте их не было вообще и даже при именном сказуемом они употреблялись весьма редко» [Зализняк, 2008, с. 256]. Е.В. Буденная, применяя статистический метод к имеющемуся древнерусскому материалу, утверждает, что связки полностью утрачиваются к XII в. [Буденная, 2018, с. 104]. Таким образом, в живом языке эти формы не употреблялись.

Связки 3 лица в перфекте в полоцких грамотах также не распространены: единственный встретившийся пример заставляет в целом задуматься о функции таких форм в полоцких грамотах.

(55) *Ино деи пак оу Невгини поймавшие попроварили деи к вам оу Ригу а и тыи люди есть видели как проварили* (№ 124, 1447).

В (55) отсутствует согласование между подлежащим, л-формой и связкой по числу. Это означает, что *есть* в данных примерах соответствует диалектным конструкциям и имеет экзистенциально-модальное значение [Шевелёва, 2001, с. 199–216]. Это еще раз доказывает, что в диалектах позднерусского языка формы *суть* не было, *есть* распространилось на мн. ч. и/или начало превращаться в частицу. В именных клаузах такого значения нет:

(56) *а в записох оу Мининых так есть записано* (№ 170, 1465);

(57) *ако границы тог(о) села на листе купъчомъ меновитеш писаны суть* (№ 26, 1393 (XVI–XVII)).

В северо-восточных деловых текстах связки отсутствуют, а в юго-западных документах продолжают употребляться, в том числе в перфекте, однако стоит заметить, что количество примеров крайне мало:

(58) *што ксть намъ вѣрно послужилъ. и кще служити будетъ* (УГ, № 12, 1377);

(59) *и съего братиєю посполною рукою позвали суть апа бѣлецко(з)* (УГ, № 51, 1421).

Переходя к именным клаузам, необходимо отметить следующее. Именные клаузы примечательны тем, что в них, на первый взгляд, сохраняются связки 3 л.:

(60) *вни суть здавна мешчане полоцкии* (№ 369, 1501).

Их особенность в том, что, во-первых, формы *есть* и *суть* характерны в основном для книжных памятников. Во-вторых, «связки 3-го лица в значительной части случаев выступают в роли акцентно самостоятельных словоформ, а не энклитик» [Зализняк, 2008, с. 238]. О.Ф. Жолобов пишет, что в древнеславянской письменности в вопросительных предложениях нулевая форма презенса¹⁰ (*е* и *су*) имеет статус энклитики,

¹⁰ Под нулевыми формами презенса О.Ф. Жолобов подразумевает формы без конечного *-ть*. Далее он дает такой комментарий: «Термины “нулевые” и “ненулевые словоформы презенса 3 л.” имеют условный характер и характеризуют раннепраславянские словоформы» [Жолобов, 2016, с. 116].

тогда как формы неактуального презенса считаются полноударными [Жолобов, 2016, с. 116–122]. В полоцких грамотах, относящихся к деловой письменности, есть один пример с нулевой формой, стоящей во второй позиции во фразе, но выводы здесь сделать трудно:

(61) *а то ꙗ белька наша* (№ 15, 1386).

В случаях употребления ненулевой связки 3 л. соотношение таково: 12 случаев препозиции связки относительно именной части сказуемого и 5 случаев постпозиции, поэтому с точностью утверждать, что связки имеют энклитическую природу, мы не можем.

8. Выводы

1. В полоцких грамотах связки 1 и 2 лица перфекта являются энклитиками, о чем свидетельствует отсутствие примеров, где они бы занимали нехарактерную для энклитик позицию. Что касается распределения связок и личных местоимений, то было отмечено, что для полоцких грамот справедливы те же обязательные и факультативные правила, что и для древнерусских текстов.

2. В полоцких грамотах процесс утраты связок и экспансия местоимений четко наметились, особенно в XV–XVI вв., и связано это с тем, что факультативные правила использования личных местоимений, описанные А.А. Зализняком, превращаются в обязательные. В такой переходный период хорошо удастся описать лишь условие, где энклитики прочно удерживают свою позицию: в отсутствии смены субъекта при каждом из однородных сказуемых будет употребляться связка.

Выборка примеров в таблице 2 формировалась на основе исключения повторяющихся контекстов: мы учитываем самый ранний случай употребления энклитики или местоимения для каждого периода. В выборку также не включаются те случаи, которые предполагают обязательное наличие местоимений. Общее количество будет распределяться по векам, стоит, однако, сразу отметить, что тексты XV – начала XVI вв. преобладают.

Таблица 2

Распределение моделей по векам [Distribution of models by century]

Века [Century]	<i>Даль есмь</i> [<i>l</i> -form and auxiliary]	<i>Язь даль</i> [Personal pronoun and <i>l</i> -form]	<i>Язь есмь даль</i> [Personal pronoun, auxiliary and <i>l</i> -form]
XIII–XIV	25	1	–
XV–XVI	270	158	8

Господствующей моделью по-прежнему остается *даль есмь*. Это можно связывать с застывшим синтаксисом деловых грамот, однако выше приводились примеры употребления связок в пассажах с прямой речью, что свидетельствует о существовании энклитик в живом языке.

3. Трехчленную модель типа *язь есмь даль* нельзя назвать влиянием книжного языка: она обнаруживается в разговорных отрывках. Модель со связкой и местоимением *есть* и в основном тексте грамот, но обычно это следствие сложности фразы, где существует тенденция к дублированию грамматических показателей.

4. Что касается употребления и местоимения, и связки в клаузах с деепричастиями, кажется, что в некоторых случаях, особенно в тех, где между деепричастием и *л*-формой наличествует сочинительный союз, личное местоимение относится к деепричастию в пределах отдельной клаузы. Таким образом, в данном случае будет прослеживаться общая тенденция: каждая предикативная единица имеет свой грамматический показатель лица и числа. Напомним, что в норме в полоцких грамотах при каждой *л*-форме стоит связка, хотя уже встречается ряд исключений-инноваций. Примеры из югозападнорусских грамот говорят о том, употребление связки при деепричастии было общей чертой для языка Великого княжества Литовского, в северо-восточных текстах встретившиеся примеры локализируются на новгородской и псковской территориях, что не исключает западного влияния.

5. В полоцких грамотах сохраняются связки 3 л. в именных клаузах. В перфекте связки отсутствуют, кроме одного спорного случая, где словоформа *есть* могла превратиться в частицу. О том, были ли данные формы энклитиками, вывода сделать нельзя из-за недостаточного количества примеров.

Библиографический список / References

Аванесов, 1964 – Аванесов Р.И. Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мн., 1964. [Avanesov R.I. Narysy pa belaruskai dyialektologii [Essays on Belarusian dialectology]. Minsk, 1964.]

Буденная, 2018 – Буденная Е.В. Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. [Budennaya E.V. Evolyutsiya subktnoi referentsii v yazykakh baltiiskogo areala [Evolution of subject reference in the languages of the Baltic area]. PhD thesis. Moscow, 2018.]

ДДГ, 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л., 1950. [Wills and contracts of Grand and local princes of the 14th–16th centuries. L.V. Cherepnin (ed.). Moscow; Leningrad, 1950.]

Дойкина, 2017 – Дойкина К.Ю. История системы энклитик (по материалам духовных и договорных грамот XIV–XVI вв.). Магистерская дис. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017. [Doikina K.Yu. Istoriya sistemy enklitik (po materialam

dukhovnykh i dogovornykh gramot XIV–XVI vv.) [History of the enclitic system (based on wills and contracts of the XIV–XVI centuries)]. Master's thesis. Lomonosov Moscow State University. 2017.]

Дойкина, 2019 – Дойкина К.Ю. Некоторые особенности системы энклитик, отраженной в полоцких грамотах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. Т. 16. Вып. 3. С. 400–419. [Doikina K.Yu. Some peculiarities of enclitic system in Polotsk charts. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019. Vol. 16. No. 3. Pp. 400–419. (In Rus.)]

Жолобов, 2016 – Жолобов О.Ф. Заметки о словоформе е 'есть' в древнерусской и старославянской письменности // *Slověne*. 2016. Т. 5. № 1. С. 114–125. [Zholobov O.F. Notes on the word form e 'is' in old Russian and old Slavic writing. *Slověne*. 2016. Vol. 5. No. 1. Pp. 114–125. (In Rus.)]

Зализняк, 2008 – Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008. [Zaliznyak A.A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow, 2008.]

Керницький, 1967 – Керницький І.М. Система словозміни в українській мові (на матеріалі староукраїнських пам'яток XVI ст.). Київ, 1967. [Kernits'kii I.M. *Sistema slovozmini v Ukraïns'kii movi* (na materiali staroukraïns'kikh pam'yatok XVI st.). [The system of inflection in the Ukrainian language (based on the material of old Ukrainian monuments of the XVI century)]. Kiev, 1967.]

Мякишев, 2008 – Мякишев В. Язык Литовского Статута 1588 года. Kraków, 2008. [Myakishev V. *Yazyk Litovskogo Statuta 1588 goda* [The language of the Lithuanian Statute of 1588]. Kraków, 2008.]

Полоцкие грамоты, 2015 – Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Под ред. А.Л. Хоросшкевич. Т. 1. М., 2015. [Polotskie gramoty XIII – nachala XVI v. [Polotsk documents of 13th – beginning of 16th century]. A.L. Khoroshkevich (ed.) Vol. 1. Moscow, 2015.]

Потебня, 1958 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. [Potebnya A.A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [Notes on Russian grammar]. Moscow, 1958.]

Смирнова, 2018 – Смирнова Е.А. Формы прошедшего времени в «простой мове»: на материале Пересопницкого Евангелия в сравнении с Евангелием Тяпинского // *Slavistic avilnensis*. 2018. № 63. С. 173–195. [Smirnova E.A. Past tense forms in 'prostamova': On the material of the Peresopnytsia gospel in comparison with the gospel of Tyapinsky. *Slavistic Avilnensis*. 2018. No. 63. Pp. 173–195. (In Rus.)]

Толстая, 2012 – Толстая М.Н. Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Т. 2. / Под ред. А.А. Плотникова. М., 2012. С. 190–211. [Tolstaya M.N. Carpathian Ukrainian enclitics in the South Slavic perspective. *Karpato-balkanskii dialektnyi landshaft: Yazyk i kultura*. Vol. 2. A.A. Plotnikova (ed.). Moscow, 2012. Pp. 190–211. (In Rus.)]

Толстая, 2013 – Толстая М.Н. Энклитизация личных местоимений в украинских закарпатских говорах // *Slavica Svetlanica: Язык и картина мира: К юбилею Светланы Михайловны Толстой* / Под ред. А.В. Гура, О.В. Беловой, Е.Л. Березович. М., 2013. С. 134–142. [Tolstaya M.N. Enclitization of personal pronouns in the Transcarpathian Ukrainian dialects. *Slavica Svetlanica: Yazyk i kartina mira: K yubileyu Svetlany Mikhailovny Tolstoi*. A.V. Gura, O.V. Belova, E.L. Berezovich (eds.). Moscow, 2013. Pp. 134–142. (In Rus.)]

Толстая, 2014 – Толстая М.Н. Синтаксис возвратного **se* в говоре гуцульского села Головы начала XX века // *Діалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст. Тези доповідей міжнародної конференції* / Під ред.

Ю.П. Грищенко. Київ, 2014. С. 483–489. [Tolstaya M.N. Syntax of the reflexive **se* in the dialect of the Hutsul village Golovy of the beginning of the XX century. *Dialekti v sinkhronii ta diakhronii: zagalnoslovyanskii kontekst*. P.Yu. Grishchenko (ed.). Kiev, 2014. Pp. 483–489. (In Rus.)]

Українські грамоти, 1928 – Українські грамоти XIV – пер. пол. XV вв. / Под ред. В.А. Розова. Т. 1. Київ, 1928. [Ukrainski gramoti XIV – per. pol. XV vv. [Ukrainian letters 14th and first half of 15th centuries]. V.A. Rozov (ed.). Vol. 1. Kiev, 1928.]

Хабургаев, 1978 – Хабургаев Г.А. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1978. № 4. С. 42–53. [Khaburgaev G.A. The fate of the auxiliary verb of ancient Slavic analytical forms in Russian. *Moscow University Philology Bulletin*. 1978. No. 4. Pp. 42–53. (In Rus.)]

Циммерлинг, 2013 – Циммерлинг А.В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М., 2013. [Zimmerling A.V. Sistemy poruyadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskom aspekte [The system of word order of Slavic languages in the typological aspect]. Moscow, 2013.]

Циммерлинг, 2019 – Циммерлинг А.В. Связки плюсквамперфекта в русском языке XIV–XVI веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2019. Т. 18. № 4. С. 41–57. [Zimmerling A.V. Pluperfect auxiliaries in the Russian language of the 14th–16th centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. 2019. Vol. 18. No. 4. Pp. 41–57. (In Rus.)]

Шевелева, 2001 – Шевелева М.Н. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб. научных статей к 80-летию проф. К.В. Горшковой / Под ред. Е.В. Клобукова. М., 2001. С. 199–216. [Sheveleva M.N. About the loss of the Old Russian perfect and the origin of dialect constructions with the word 'est'. *Yazykovaya sistema i ee razvitie vo vremeni i prostranstve*. E.V. Klobukov (ed.). Moscow, 2001. Pp. 199–216. (In Rus.)]

Barszczewska, Jankowiak, 2012 – Barszczewska N., Jankowiak M. Dialektologia białoruska. Warszawa, 2012.

Danylenko, 2012 – Danylenko A. Auxiliary clitics in Southwest Ukrainian: Questions of chronology, areal distribution, and grammaticalization. *Journal of Slavic Linguistics*. 2012. Vol. 20. No. 1. Pp. 3–34.

Статья поступила в редакцию 28.08.2020

The article was received on 28.08.2020

Об авторе / About the author

Дойкина Ксения Юрьевна – кандидат филологических наук; научный сотрудник отдела древнерусского языка, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук, г. Москва

Ksenia Yu. Doykina – PhD in Philology; Researcher at the Old Russian Language Department, Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

E-mail: kseniya.dojkina@mail.ru